

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6
Г44

Гёте, Иоганн Вольфганг.

Г44 Фауст : трагедия / Иоганн Вольфганг Гёте ; перевод с немецкого А. А. Фета. — Москва : Алгоритм : 2022. — 480 с. : ил.

ISBN 978-5-907363-20-5

Имя крупнейшего немецкого поэта Гёте (1749—1832) принадлежит к лучшим именам, которыми гордится человечество. Трагедия «Фауст» занимает центральное место в его творчестве, принадлежит к шедеврам мировой литературы. Перевод ее выполнен одним из лучших русских поэтов XIX столетия Афанасием Фетом.

Фет с детства по материнской линии был тесно связан с немецким языком и немецкой культурой, с эстетико-философскими взглядами Гёте, А. Шопенгауэра и Г. Гегеля. Литературный критик Аполлон Григорьев писал: «Гёте преимущественно воспитал поэзию г. Фета; влиянию великого старого учителя обязан понятливый ученик и внутренним достоинствам, и замечательным успехом своих стихотворений, и, наконец, самую изолированностью своего места в русской литературе».

В книге помещены избранные иллюстрации к «Фаусту» художников: немецкого Августа фон Крелинга (1819—1876) и французского Эжена Делакруа (1779—1857) и австрийского Франца Ксавера Симма (1853—1918).

УДК 821.112.2-2
ББК 84(4Гем)-6

ISBN 978-5-907363-20-5

© Гёте И.В.
© Фет А.А., перевод на русский язык
© Вострышев М.И., предисловие, комментарии, 2022
© ООО «Агентство Алгоритм», 2022

Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749-1832)

Гете и его «Фауст»

Иоганн Вольфганг фон Гете (1749–1832) — немецкий писатель, философ и естествоиспытатель, государственный деятель. Его обширное творческое наследие, в особенности трагедия «Фауст», признано шедевром немецкой и мировой литературы. Он — крупнейший европейский лирик, автор драм и эпических поэм, романист.

«Гете представляет, может быть, единственный в истории человеческой мысли пример сочетания в одном человеке великого поэта, глубокого мыслителя и выдающегося ученого», — писал русский естествоиспытатель К.А. Тимирязев.

Гете — автор научных трудов в области геологии и минералогии, ботаники и оптики, анатомии и зоологии, он — выдающийся философ, хотя сам неоднократно иронически высказывался об этой гуманитарной науке. Широкий круг философских проблем поднят в его художественных произведениях, прежде всего в «Фаусте». Гете обладал необычайно широким кругозором в истории философии, творчески перерабатывая в своих произведениях воззрения на мир Спинозы, Аристотеля, Платона, Руссо, Канта, Гегеля. Его постоянно преследовала мысль о высшей цели жизни, он мечтал о гармонии человека и природы.

Уже в молодые годы Гете получил широкую известность в Европе благодаря роману «Страдания юного Вертера». В дальнейшем он неоднократно подтверждал своим творчеством свою славу великого немецкого писателя. И среди его шедевров выделяется вершина, самое дорогое ему произведение, итог всей его кипучей деятельности — трагедия «Фауст».

Гете много ездил и по городам Германии, где и столкнулся с удивительным явлением — кукольными ярмарочными спектаклями, в которых главными действующими лицами был некий Иоганн Фауст — доктор и чернокнижник и Мефистофель — черт и соблазнитель. Это была веселая, ироническая и сатирическая комедия...

Замысел трагедии о докторе Фаусте возник у Гете еще в начале 1770-х годов, когда ему было чуть больше 20 лет, а заканчивал текст автор, будучи глубоким 82-летним стариком. В 1790 году он напечатал ряд сцен «Фауста», предупредив читателей, что это отрывки, а не законченное произведение. Действие было доведено до сцены, где Маргарита молит-

ся в соборе. В 1794 году Гете сблизился с немецким поэтом Фридрихом Шиллером. Именно в годы общения с ним замысел трагедии обрел тот всеобъемлющий философский характер, который так высоко поднял это творение над другими произведениями всей немецкой литературой. Первая часть «Фауста» вышла в свет в 1808 году. Потом настал перерыв. Для того, чтобы Гете снова принялся за работу, понадобилось вмешательство Иоганна Петера Эккермана — секретаря писателя. Именно Эккерман побудил его вернуться к незавершенной работе. С 1825 года начинается последний период создания «Фауста», длившийся семь лет. В эти годы Гете сам определил для себя, что это произведение является для него «главным делом». Вторая часть была закончена в 1831 году и появилась в печати в 1833 году, уже после смерти его создателя. В 1886 году был обнаружен текст «Прафауста» (Urfaust), сочиненного Гете в молодости, в 1772–1775 годах.

Трагедия начинается с не имеющего отношения к основному сюжету спора между директором театра и поэтом о том, как надо писать пьесу. В этом споре директор разъясняет поэту, что зритель груб, бестолков и не имеет собственного мнения, предпочитая судить о произведении с чужих слов. Да и не всегда его интересует искусство — некоторые приходят на представление лишь для того, чтобы щегольнуть своим нарядом. Таким образом, пытаться создать великое произведение не имеет смысла, поскольку зритель в массе своей не в состоянии его оценить. Вместо этого следует свалить в кучу все, что попадет под руку, а так как зритель все равно не оценит обилия мысли — удивить его отсутствием связи в изложении.

Действие начинается на небе. Господь признает, что из всех духов отрицания он больше всего благоволит к Мефистофелю, заслуги которого состоят в том, что он не дает людям успокоиться. В целом злой дух изначально признает свою полную зависимость от Бога, ибо негативное начало парадоксальным образом всегда превращается в добро. Мефистофель заключает с Господом пари на то, сможет ли Фауст спасти от него свою душу.

Профессор Фауст, своими изысканиями принесший много добра жителям окрестных селений, не удовлетворен теми знаниями, которые за многие годы удалось ему извлечь из книг. Осознавая, что сокровенные тайны мироздания недоступны человеческому разуму, в отчаянии он подносит к губам склянку с ядом. Лишь внезапно зазвучавший благовест предотвращает самоубийство.

Бродя по городу со своим учеником Вагнером, Фауст встречает собаку, которую приводит за собой в дом, где она принимает человеческий образ Мефистофеля. Злой дух после ряда искушений убеждает старого отшельника вновь изведать радости опостылевшей ему жизни. Плата за это — душа Фауста. Скрепив договоренность кровью, Фауст отправляется в путь. В поисках развлечений он и Мефистофель кружат по Лейпцигу. В погребке Ауэрбаха злой дух поражает студентов извлечением вина из пробуравленной в столе дырки. Он потворствует желанию Фауста сблизиться с невинной девушкой Маргаритой (уменьшительное Гретхен), видя в этом желании одно лишь плотское влечение.

Чтобы подстроить знакомство Фауста с Маргаритой, Мефистофель втирается в доверие к ее соседке Марте. Фаусту не терпится провести ночь наедине с возлюбленной. Он убеждает Маргариту усыпить мать имеющимся у него снотворным. Последняя от полученного снадобья умирает. Позже Маргарита обнаруживает, что беременна. Ее брат Валентин вступает с Фаустом в поединок. Убив в драке Валентина, спутники покидают город, и Фауст не вспоминает Маргариту до тех пор, пока не встречает ее призрака на шабаше. Призрак является ему в Вальпургиеву ночь на Броккене как пророческое видение — в виде девушки с колодками на ногах и тонкой красной линией на шее. Из расспросов Мефистофеля он выясняет, что его возлюбленная в темнице ждет казни за то, что утопила дочь, зачатую ею от Фауста.

Фауст спешит на помощь в темницу к Маргарите, которую постепенно покидает рассудок, и предлагает ей побег. Девушка отказывается принять помощь нечистой силы и остается ждать казни. Вопреки ожиданиям Мефистофеля, Господь принимает решение спасти душу девушки от мук ада и объявляет свой вердикт: «Спасена».

Вторая часть представляет собой поэтический философский текст, который заключает в себе множество зашифрованных символических и мистических ассоциаций и неразрешимых загадок. Эта часть более эпизодична, чем первая. Она состоит из пяти актов с относительно самостоятельными фабулами. Действие переносится в атмосферу античного мира, где Фауст сочетается браком с Еленой Прекрасной. Фауст и Мефистофель сводят знакомство с императором и предпринимают ряд мер по улучшению благосостояния его подданных.

Художественный мир второй части — это сложное переплетение между средневековьем, где происходит действие первой части, и ан-

тичностью. Для понимания текста необходимо хорошее знание древнегреческой мифологии.

От союза Елены и Фауста появляется сын Эвфорион. Когда он вырастает, то устремляется ввысь и разбивается. Исчезает и Елена, оставив лишь одежду на руках у Фауста. Эта сцена имеет символическое значение. Проводится мысль о том, что нельзя копировать античное искусство, можно использовать формальную сторону, но содержание должно быть современным. Эвфорион унаследовал красоту матери и беспокойный нрав отца. Он представляет собой символ нового искусства, которое, по мнению Гете, должно соединять античную гармонию и современный рационализм. При этом сам Гете данный образ ассоциирует с образом Байрона.

В последнем пятом акте Фауст, вновь постаревший, вернулся в современный ему мир, занимается постройкой плотины для блага человечества. Гете рассуждает о смене эпох, как разрушении старого феодального мира и начале новой эпохи, эпохи созиданий. Но созидание не может быть без разрушения, свидетельство чему — смерть двух стариков.

На исходе жизни ослепший Фауст, слыша звук лопат, переживает величайший миг в своей жизни, полагая, что его работа принесет большую пользу людям. Ему невдомек, что это по заданию Мефистофеля лемуры (ночные духи) копают его могилу. Вспомнив про контракт с Мефистофелем, Фауст говорит том, что лишь осушив болота и создав плодородный край, он попросит остановить мгновение его жизни. Но умирает по предсказанию духа Заботы, отомстившего за смерть невинных стариков.

Согласно условиям контракта душа Фауста должна попасть в ад. Однако заключенное пари Господь разрешает в пользу спасения души Фауста, поскольку тот до последнего дня своей жизни трудился на благо человечества. Душа Фауста попадает на небеса, где соединяется с душой Маргариты.

Таким образом, в отличие от традиционных версий народной легенды, согласно которым Фауст попадает в ад, в версии Гете, несмотря на выполнение условий соглашения и на то, что Мефистофель действовал с разрешения Бога, ангелы забирают душу Фауста у Мефистофеля и уносят ее в рай.

В «Народной книге» XVI века Фауст продает свою душу ради мирских удовольствий, а в «Трагической истории доктора Фауста» английского писателя Кристофера Марло (1564–1590) им движет желание обессмертить свое имя. В гетевской трактовке Фауст тонет в пучине крайнего пес-

символизма и с полным безразличием относится к загробной жизни, отсюда легкость, с которой он заключает сделку с дьяволом.

И в «Народной книге», и в «Трагической истории доктора Фауста» присутствуют попытки Фауста обратиться к Небу, однако в версии Гете подобные размышления исключены. Как и в более ранних версиях легенды, значительный объем текста уделен шуткам и магическим проделкам Фауста и Мефистофеля.

Для мировоззрения Гете характерен оптимизм. Поэтому в его трактовке Бог спасает души как Маргариты, так и Фауста, несмотря на совершенные ими прегрешения и отступления от буквы закона. Даже искушения темных сил рассматриваются немецким писателем в позитивном ключе, и сам сатана у него признается: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

По форме «Фауст» — это драма для чтения, по жанру — философская поэма. Нет прямого авторского слова, все отдано действующим лицам: монологи, диалоги, харовые партии. Об этой трагедии написано множество книг, в которых с различных сторон истолкованы характеры и события знаменитого произведения Гете, далеко не всегда друг с другом совпадающие. Вопросы, поднятые писателем, не поддаются простому и однозначному решению. Ведь «Фауст» — размышление о смысле существования человека на земле, о конечной цели его жизни.

Михаил Вострышев

Афанасий Фет — поэт и переводчик

Афанасий Афанасьевич Фет родился 23 ноября (5 декабря по новому стилю) 1820 года в деревне Новоселки, неподалеку от города Мценска Орловской губернии. Отец его, орловский помещик, ротмистр в отставке Афанасий Неофитович Шеншин, принадлежал к старинному дворянскому роду. Родоначальником Шеншиных считается татарский князь, поступивший в конце XV века на московскую службу. Получив вотчину в Мценске, он стал основателем разветвленного рода Шеншиных, расселившегося по всему Мценскому уезду.

В 1819 году Афанасий Неофитович, пылкий приверженец идей Руссо, находился на лечении в германском городе Дармштадте, где на 45-м году жизни женился на 22-летней немке Шарлотте, дочери Карла Беккера, носившей фамилию Фет по первому мужу, с которым она развелась. Будущий поэт был первенцем от этого брака, совершенного за границей по лютеранскому обряду и не имевшего в России законной силы. До 14 лет мальчик носил фамилию Шеншин. При обнаружении ошибки в записи о его крещении (православное венчание матери было совершено уже после рождения сына), лишенный дворянства, наследственных прав и русского подданства, он принужден был принять фамилию матери — Фет (мать с трудом добилась у своих родственников, чтобы ее первенца признали «гессен-дармштатским подданным», иначе он числился бы как незаконнорожденный). Его родным отцом стал считаться первый муж Шарлотты — Иоганн Петр Вильгельм Фет.

В годы детства, проведенные в имении Шеншиных в Новоселках, главное влияние на будущего поэта имели мать и дядя, Петр Неофитович. Благодаря матери мальчик прекрасно овладел немецким языком, а благодаря дяде, любителю поэзии и истории, полюбил русскую литературу. Его первыми учителями, научившие мальчика русской грамоте и арифметике, были камердинер Илья Афанасьевич, повар Афанасий, дворовые, заезжие семинаристы. В воспоминаниях «Ранние годы моей жизни» о своем детстве Фет говорит сдержанно и сухо. Отец ему запомнил-

ся суровым, скупым на ласку пожилым человеком; мать — робкой и покорной мужу женщиной.

В начале 1835 года Афанасий был помещен в частный пансион Крюмера в городе Верро Лифляндской губернии. Он вспоминал о своем отъезде из Новоселок: «Ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель, отец, заказав почтовых лошадей, дал поцеловать мне свою руку, и я, мечтавший о свободе и самобытности, сразу почувствовал себя среди иноплеменных людей в зависимости, с которой прежняя, домашняя, не могла быть поставлена ни в какое сравнение».

Домашнюю жизнь и любовь родных заменили учителя далекого от дома учебного заведения, где преподавание велось на немецком языке, и где мальчик приобщился к немецкой литературе, с особым интересом читая Гете, Шиллера, Гофмана, Гейне. Преподаватель истории, латинского языка и некоторых других наук в пансионе Генрих Эйзеншмидт вспоминал о Фете: «Он был единственным русским в классе и представлял свою национальность на фоне немецкого окружения с таким же умом, как и энергией. При этом немалое восхищение вызывали его способности в механике. Я находился с ним в очень доверительных отношениях, и однажды он похвалился мне, что если бы вдруг стал очень беден, то мог бы зарабатывать на хлеб пятью профессиями. И это не было преувеличением, так как он доказал это. Например, он чинил часы, причём не имея в своем распоряжении никаких других инструментов, кроме штопальной иглы и испорченного рейсфедера в качестве щипчиков».

Три года провел Афанасий в маленьком прибалтийском городке, сплошь населенном немцами, и позже вспоминал это время только с радостным чувством. Но подростка угнетало его «изгнание» из родной семьи, отлучение от отчего дома, он чувствовал себя «собакой, потерявшей хозяина».

Из Верро в начале 1838 года Фет по решению отца был отвезен в Москву и определен для подготовки в Московский университет в частный пансион М.П. Погодина. Во флигеле дома историка Погодина на Девичьем поле Афанасий прожил полгода. В это время его часто можно было застать в кругу веселой компании в трактире на Зубовской площади или в обществе цыганки из хора, к которой испытывал любовное влечение.

Осенью 1838 года Фет поступил в университет, где учился сначала на юридическом факультете, потом на словесном отделении философского факультета.

О начале пребывания в Московском университете в книге «Ранние годы моей жизни» Фет говорит следующее: «Ни один из профессоров, за исключением декана Ив. Ив. Давыдова, читавшего эстетику, не умел ни на минуту привлечь моего внимания, и, посещая по временам лекции, я или дремал, поставивши кулак на кулак, или старался думать о другом, чтобы не слышать тоску наводящей болтовни».

Любимым занятием вскоре стало сочинение стихов. Поселившись в семье Григорьевых в Замоскворечье на Малой Полянке, Фет нашел в сыне хозяина дома, университетском студенте и будущем литературном критике Аполлоне Григорьеве, ревностного поклонника своей поэзии. Тот первым подметил и духовный кризис молодого поэта: «Я не видел человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства... Я боялся за него, я проводил часто ночи у его постели, стараясь чем бы то ни было рассеять... страшное хаотическое брожение стихий его души».

Дружескому сближению молодых людей немало способствовала при-сущая им страсть к искусству во всех его проявлениях. На литературные беседы к Фету и Григорьеву собирались любители словесности из университетского студенчества: С.М. Соловьев, Я.П. Полонский, К.Д. Кавелин, князь В.А. Черкасский, Н.К. Калайдович... Они стали первыми слушателями поэзии Фета. С их одобрения он стал часто печататься в журналах «Москвитянин» и «Отечественные записки». Талант его был замечен Белинским. Ободренный похвалами друзей, молодой поэт в 1840 году издал под инициалами «А. Ф.» первый сборник своих стихотворений «Лирический пантеон». В него вошли баллады, элегии, идиллии и эпиграфы, в которых отразились его увлечения Гете, Шиллером, Пушкиным, Жуковским и модным в то время поэтом Бенедиктовым.

Зная в совершенстве немецкий язык, на третьем курсе университета Фет начал переводить поэму Гете «Герман и Доротея», стихотворения Гейне, Шиллера. Продолжал сочинять и публиковать в журналах свои оригинальные стихи. В 1843 году некоторые из них были напечатаны в популярной «Хрестоматии» А.Д. Галахова.

В 1844 году Фет завершил учебу в университете. В этот год он стал еще более одинок после кончины матери и горячо любимого дяди Петра Шеншина. Надо было научиться жить самостоятельно.

По давнему своему стремлению к военной службе (военной службой он хотел вернуть себе дворянство), Фет 21 апреля 1845 года поступил

унтер-офицером в кирасирский полк (штаб его находился в Новогеоргиевске Херсонской губернии), в котором 14 августа 1846 года произведен в корнеты, а 6 декабря 1851 года — в штабс-ротмистры.

Оторванный от российских культурных центров, Фет почти полностью перестал печататься в журналах. Поэтический сборник, разрешенный цензурой в 1847 году, ему удалось напечатать лишь три года спустя. Выход в 1850 году «Стихотворений А. Фета» стал ярким событием отечественной словесности. Автор продекламировал о своем радостном приходе в русскую литературу:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало.

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все также счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

«Подобного лирического весеннего чувства природы мы не знаем во всей русской поэзии!» — восторженно писал об этих четырех строфах литературный критик Василий Боткин.

Переведенный в 1853 году в лейб-гвардии уланский полк, расквартированный близ Петербурга, Фет получил там чин поручика (гвардейские чины расценивались на два уровня выше армейских, поэтому штабс-ротмистр Фет должен был в гвардейском полку начать службу с младшего офицерского чина).

Во время Крымской войны с февраля 1854 года Фет был в составе войск, охранявших побережье Балтийского моря от возможной высадки английского десанта. Два года спустя врачи нашли у него «общее расстройство дыхательных путей» и посоветовали немедленно ехать лечиться за границу.

Фет вспоминал: «Никакая школа жизни не может сравниться с военной службой, требующей одновременно строжайшей дисциплины, величайшей гибкости и твердости хорошего стального клинка в сношениях с равными и привычки к мгновенному достижению цели кратчайшим путем. Когда я слышу свою нравственную распушенность и лень на школьной и университетской скамьях с принужденным самонаблюдением и выдержкой во время трудной адъютантской службы, то должен сказать, что кирасирский Военного ордена полк был для меня возбуждительною школою».

Военная служба стала яркой страницей его жизни, расцветом поэтической деятельности и популярности. После перехода в гвардию и переезда в Петербург Фет познакомился с кружком журнала «Современника» (в декабре 1853 г. — январе 1854 г.) — Н.А. Некрасовым, И.И. Панаевым, А.В. Дружининым, И.А. Анненковым, И.А. Гончаровым, возобновил знакомство с И.С. Тургеневым и В.П. Боткиным. У Тургенева встретился с графом А.Н. Толстым, только что начавшим тогда свою литературную деятельность. Позже они стали близкими друзьями и вели обширную переписку.

Постоянно публикуя в 1850-х годах свои оригинальные стихотворения в «Современнике» и «Отечественных записках», Фет в этих же журналах, а также в «Библиотеке для чтения» и в «Русском слове» поместил несколько довольно значительных переводных трудов, в том числе поэмы Гете «Герман и Доротея» («Современник», 1856, № 7). В 1856 году выходит собрание его стихотворений, встреченное сочувственными статьями (этот сборник подготовил и отредактировал Иван Тургенев). Николай Некрасов писал: «Смело можно сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе, после Пушкина, не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет».

Но успех его лирической поэзии ограничивался довольно узким литературным кругом, в своем подавляющем большинстве просвещенная публика равнодушно относилась к его сочинениям; люди в эту пору решительных политических и экономических реформ интере-

совались более литературными произведениями, в которых чувствовался «дух времени», гражданские мотивы революционно-демократической мысли.

Взяв в 1856 году перед выходом в отставку из военной службы отпуск на 11 месяцев, Фет совершил поездку за границу, побывав в Карлсбаде, Париже и в итальянских городах. Навестил в Куртавнеле, в имении Виардо своего приятеля и собрата по перу Ивана Тургенева. В Париже 16 августа 1857 года женился на богатой купеческой невесте Марии Петровне Боткиной (1828–1894), сестре своего давнишнего друга и почитателя Василия Боткина.

По окончании отпуска 27 января 1858 года Фет вышел в отставку штабс-ротмистром гвардии и поселился в Москве. Его уход с военной службы был связан не только с женитьбой, которая принесла материальное благополучие, но и с невозможностью достижения поставленной им цели. По указу нового императора Александра II право на потомственное дворянство давал с 1856 года только чин полковника, а не майора, как было раньше. Дослужиться же до полковничьих погон Афанасий Афанасьевич не надеялся.

В начале 1860-х годов из-за политических разногласий Фет порвал отношения с журналом «Современник», после чего возник знаменитый антагонизм двух крупнейших поэтов своего времени «Некрасов — Фет».

Выпустив в свет в 1863 году в двух книгах свои «Стихотворения», расхвалившиеся довольно медленно, Афанасий Афанасьевич почти совсем перестал писать стихи. Тургенев с долей иронии говорил о Фете, что «он теперь сделался агрономом-хозяином до отчаянности, отпустил бороду до чресл, о литературе слышать не хочет и Музу прогнал взапею...»

Еще в 1860 году Фет решил серьезно заняться сельским хозяйством и с этой целью купил в Мценском уезде хутор Степановка с 200 десятинами земли. Здесь он прожил 17 лет, лишь зимою ненадолго наезжая в Москву, и создал прекрасное имение: отделал купленный неоконченным дом и расширил его пристройками, развел цветники, насадил аллеи, выкопал пруды и колодцы, проложил отличную подъездную дорогу, усердно вел хлебопашество, завел мельницу и конный завод. Свой опыт жизни и сельскохозяйственной деятельности в пореформенной деревне Афанасий Афанасьевич изложил в серии очерков, появлявшихся в журналах в 1862–1871 годах.

В Мценском уезде с 1 ноября 1867 года по 1877 год Фет служил мировым судьей, разбирая мелкие гражданские и уголовные преступления. К этой общественной должности он относился со всей ответственностью и полной самоотдачей и писал о ней: «Свободный выбор уездными гласными наилучших людей в мировые судьи, которым представлялось судить публично по внутреннему убеждению, являлся для искателей должности судьи чем-то священным и возвышающим избираемого в его собственных глазах».

По императорскому указу 26 декабря 1873 года за Афанасием Афанасьевичем, наконец, была утверждена фамилия отца — Шеншин, со всеми связанными с нею правами потомственного дворянина. Но свои литературные произведения он и далее подписывал фамилией Фет.

Помимо замечательного поэтического таланта, Фет обладал незаурядными интеллектуальными качествами. Он был блестящим остроумным рассказчиком, что отмечали его современники, слышавшие его или переписывавшиеся с ним, душевным и разумным товарищем. Иван Тургенев, отвечая на очередное письмо, признавался Фету: «Переписываться с вами для меня потребность, и на меня находит грусть, если я долго не вижу ваш связно-красивый, поэтично-безалаберный и кидаящийся из пятого этажа почерк». Лев Толстой пишет Фету: «Кроме вас у меня никого нет... Вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых, и который в личном общении дает один мне тот другой хлеб, которым, кроме единого, будет сыт человек».

Возвращение Фета к литературе совершилось на склоне лет в его новом имении Воробьевке Щигровского уезда, Курской губернии, в десяти верстах от Коренной пустыни, купленном в 1877 году. С весны 1878 года до своей кончины Фет проводил здесь большую часть года с марта по октябрь, и лишь зимние месяцы уезжал в Москву. Новое хозяйство на 850 десятинах велось управляющим, а сам владелец, кроме писания стихотворений, выходивших отдельными выпусками под заглавием «Вечерние огни» (1883, 1885, 1888 и 1891), усердно принялся за переводы.

Литературный критик Николай Страхов, часто навещавший Фета в его новой усадьбе, писал о ней: «Деревня Воробьевка стоит на левом, луговом берегу реки, а господская усадьба на правом берегу, очень высоком. Каменный дом окружен с востока каменными же службами, а с юга и запада огромным парком на 18-ти десятинах, состоящим большей частью из вековых дубов. Место так высоко, что из парка

ясно видны церкви Коренной Пустыни*. Множество соловьев, грачи и цапли, гнездящиеся в саду, цветники, разбитые по скату к реке, фонтан, устроенный в самом низу против балкона, — все это отразилось в стихах владельца, писанных в этот последний период его жизни.

Поклонник немецкого философа-идеалиста Артура Шопенгауэра (1788–1860), Фет перевел и издал три его труда: «Мир, как воля и представление» (1881) и «О четвероюлке корне закона достаточного основания» (1886) и «О воле в природе» (1886).

Фет в начале 1880-х годов перевел обе части «Фауста» Гете, и целый ряд латинских поэтов. В 1884 году за перевод Горация он был удостоен Академией наук первой полной Пушкинской премии. Профессор И.В. Помяловский отметил у переводчика такое же разнообразие метров и такое же оригинальное сочетание стоп, как и в подлиннике; в числе достоинств перевода, кроме того, названы: редкая полнота и благозвучность рифм, а также гладкость, естественность и удобопонятность речи.

В области ритмики Фет вместе с Тютчевым — самый смелый экспериментатор в русской поэзии, прокладывающий путь поэтическим достижениям XX века. Он — ярчайший представитель «мелодической линии», продолжателем которой стал Александр Блок, поэт редкой эмоциональности, силы чувства, радостного восприятия жизни и в то же время удивительной субъективности.

Представлению о красоте, как о реально существующем элементе мира, окружающего человека, Фет оставался верен до конца. Недаром на вопрос «Ваш любимый поэт?» он ответил: «Пушкин», а в другом «альбоме признаний» назвал «поэтом объективной правды» Гете.

Литературные труды Фета (благодаря его консервативным взглядам на политическое устройство России) получают не только общественное, но и государственное признание. В 1888 году Фет имел аудиенцию у императора Александра III, благосклонно относившийся к его деятельности, вернее к отсутствию общественно-политической деятельности.

Торжественно отпраздновали в Москве 28 и 29 января 1889 года 50-летний юбилей литературной деятельности Фета и пожалование юбиляру придворного звания камергера. Николай Страхов писал: «Кто любит и понимает Фета, тот становится способным чувствовать поэзию, разлитую вокруг нас и в нас самих, то есть научается видеть

* Старинный мужской монастырь в Курской губернии.